Можно думать, что Петр I благоприятно отнесся и к школьной деятельности капуцинов, как он не возражал против школьной работы иезуитов в Москве. Однако положительные данные об астраханской школе очень скудны. Знаем только, что в 1721 году Артемий Волинский на запрос коллегии иностранных дел сообщал, что он не находил причин не допускать латинских священников для постоянного жительства и деятельности в городе, поскольку они, между прочим, участвуют в деле обучения юношества латыни и другим языкам и содействуют развитию образования вообще среди жителей края.⁸⁵ Нужно принять во внимание, что тактика Волинского в отношении капуцинов получила в 1722 году полное одобрение со стороны царя Петра во время его пребывания в Астрахани, в то время как выступавший против капуцинов и упрекавший Волинского за его уступчивость в отношении этих патеров местный епископ Иоаким был смнен.⁸⁶

Интересно отметить, что в 1723 году из Астрахани в Москву уехал прибывший из Грузии капуцин — итальянец Октавий Мариа из Милана, привлеченный затем «каким-то волошским господарем» (очевидно, с Дмитрием Кантемиром) в его вотчину «ради учения детей господаря».⁸⁷ Этот факт можно считать как бы иллюстрацией того, что в Астрахани капуцины снискали репутацию хороших педагогов, и один из них оказался привлеченным в семью близкого к царскому окружению сановника. Это могло быть и результатом личного знакомства с названным капуцином хорошо известного руководителя воспитанием и обучением детей Кантемира И. Ильинского, который, как известно, сопровождал господаря в его поездке на Каспий в свите Петра I. А. Н. Майков когда-то высказал предположение, что именно Ильинский сыграл известную роль в решении Тредиаковского уехать для продолжения образования в Москву.⁸⁸ Но это вполне правдоподобное предположение (а Майков к тому же еще не учитывал переезда к Кантемиру астраханского капуцина) ведет к естественному заключению, что Ильинский мог в Астрахани войти в общение и с капуцинами — учителями Тредиаковского и пригласить одного из них в число учителей в семью Кантемиров. Во всяком случае перед нами не лишенная интереса живая страница из истории латинской школы в Астрахани...

Нужно подчеркнуть, что если в Москве католическая латинская школа в начале XVIII века находилась в руках иезуитов, при этом иезуитов чешской провинции ордена, то в Астрахани в это же время педагогическую деятельность развернули в среде тамошнего населения, как иностранного (особенно армянского), так и русского, — капуцины итальянского происхождения. Кроме названных уже выше патеров Бонавентуры и Джанбаттисты (1716—1719), здесь заметную роль играл патер Патриций из Милана (до 1718 года), прибывший сюда еще в 1710 году, а далее — с 1716 года патер Д'Амелиа, оставшийся тут до начала 1723 года. С 1723 года здесь, как и в России вообще, действовали уже главным образом капуцины-швейцарцы.

III

Нам остается теперь привести известные нам данные о латинской школе в Петербурге. Эти данные относятся к последним годам первой четверти XVIII века. Дело в том, что только в 1715 году в Петербурге было поло-

ствие относительно всего, что миссионер устроил или предполагал устроить). P. Zacharie d'Haarlem. Les capucins à Astrakhan (1710—1725) et à Moscou (1720—1725), стр. 16.

⁸⁵ Д. А. Толстой. Римский католицизм в России, т. I, стр. 173—174.

⁸⁶ Описание документов и дел св. Синода, т. II, стр. 9—10, 603—605.

⁸⁷ Там же, т. III, стр. 456—465.

⁸⁸ Л. Н. Майков. Молодость В. К. Тредиаковского, стр. 6.